

Личность в контексте культуры

Катриона Келли

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ – РАЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ?*

Утопичность
лозунга о
«счастливым
детстве»

Задача этой статьи не в том, чтобы оценить достижения советской системы по отношению к жизни детей и младенцев. Как известно, многие данные из архивов прямо противоречат официальным лозунгам о «счастливым детстве». Детские учреждения были изображены в детской литературе и в советской журналистике как утопии рационального воспитания. А в отчетах не только 1920-х и 1930-х годов, но также и конца 1940-х и начала 1950-х фиксируются бесчисленные случаи недоедания, драк между воспитанниками и даже убийств, «полного отсутствия идеологического воспитания» (пользуясь выражением той эпохи), домогательств и насилия со стороны воспитателей. Некоторые печатные тексты последних лет, например, нашумевшие воспоминания Рубена Гонзалеса Гальего «Белое на черном» [1], рисуют аналогичную картину.

«Дети и старики
лишние, когда
идет война»

Сильно упрощает ситуацию описание состояния вещей у Б.В. Дубина: «Детством в советской России кля-

* Статья написана в рамках проекта, поддержанного фондом Ливерхьюма (Leverhulme Trust) № F/08736/A 'Childhood in Russia, 1890–1991: A Social and Cultural History'. Автор выражает свою благодарность фонду, а также Британской академии, Оксфордскому университету и New College, Oxford за поддержку. Интервью, цитированные внизу как Oxf/Lev и СКQ, были проведены в рамках этого проекта (см. сайт проекта www.mod-langs.ox.ac.uk/russian/childhood): благодарю интервьюеров (Александрю Пиир, Светлану Сиротинину, Юлию Рыбину, Екатерину Шумилову, Юрия Рыжова, Екатерину Мельникову, Веронику Макарову, Оксану Филичеву и Любовь Терехову) и сотрудников по проекту Альберта Байбурина и Виталия Безрогова за их помощь, и участников конференции «L'URSS: un paradis perdu?» (ноябрь 2006, ун-т Париж-IV), семинара группы теоретико-литературных и междисциплинарных исследований Института русской литературы РАН (Санкт-Петербург) и семинара «Культура детства: нормы, ценности, практики» (РГГУ, Москва) за ценные указания.

лись с каждой трибуны, продолжая не верить детям и не любить, не ценить детства» [2], но есть в нем доля правды. Как и другие проявления быта, потребности детей и молодежи были подчинены мощным нуждам так называемого военно-промышленного блока; детские дома и школы получали средства по остаточному принципу. В том же 1936 году, когда стали распространять лозунг «Спасибо родному Сталину за

Детство между
семьей
и государством

счастливого детства!» и когда «право на образование» вписалось в новую «Сталинскую конституцию», бюджет на образование жестко сократили [3]. Когда действовал форс-мажор, о детях просто переставали заботиться. Характерен рассказ Мери Ледер, американки, проживавшей много лет в довоенной и послевоенной России. Когда ее маленькая дочка заболела в Энгельсе, как раз после начала вой-

ны, врачи в больнице наотрез отказались сделать операцию, нужную для спасения ребенка, внушая М. Ледер, что «дети и старики лишние, когда идет война» [4].

Но война – исключительный случай. Программа ускоренной модернизации семейной жизни, так называемая культурная революция, представляла собой самобытный вариант общих модернизирующих программ всех промышленных стран Западной Европы и Америки. Это видно и по ее бесспорным достижениям (например, снижению уровня детской смертности, распространению грамотности), и по тем проблемам, которые возникали в связи с ней (в том числе отсутствие ухода за детьми в массовых детских учреждениях, конфликты между поколениями). Растущее вмешательство государственных органов в личную жизнь семьи было характерно для всех развитых стран в течение XX века, и надо сказать, что эффекты этого процесса были отнюдь не только отрицательными (многим детям действительно жилось лучше в детских воспитательных учреждениях, чем в семьях).

К тому же, как везде, люди жили «не статистикой единой»:

«Ведь не все
было плохо»

так называемые объективные источники плохо дают понять, как воспринималась советская реальность. Не только пропаганда, но и многие воспоминания и интервью представляют советское детство скорее в светлых тонах. В ходе моей работы над историей российского детства в XX веке незнакомые люди часто уверяли меня, что у них было чудное детство; в более продолжительных интервью использовалась ходячая фраза «Ведь не все было плохо». Здесь мы имеем дело не только с сопоставлением «мифа» и «реальности», «объективной» и «субъективной» действительности. Поэтому изучение официальных представлений о «детском рае», проще говоря, о «радостном советском детстве», имеет отнюдь не только антикварную ценность. Как будет показано ниже, они до определенной степени успели ужиться, влияя на воображение взрослых и хотя бы некоторых советских детей.

Представления
о детском счастье
и изображение
христианского рая

Для поверхностного взгляда* советские представления о детском счастье так похожи на изображения христианского рая, что даже хочется говорить о плагиате. В изображениях советских вождей с детьми фигуры часто даны на фоне какого-нибудь цветущего луга (пример – известный портрет 1947 года В. П. Ефанова «Сталин и Молотов с детьми»). Одно из основных изображений в живописи и литературе – пионерский лагерь Артек, в котором добродетельные советские дети, подобно маленьким набожным христианам, наслаждаются жизнью в волшебном южном саду под синим небом, в сопровождении праведников, а прежде всего, конечно – самого Иосифа Виссарионовича, рядом с двумя другими вождями, более иных преподносимыми детям в качестве кумиров, – В.М. Молотовым (официальным покровителем Артека)* и К.Е. Ворошиловым**. Помимо Артека

* Хотелось бы утверждать – только для поверхностного. Далее (см. ниже) я указываю на существенные различия между советским «раем» и христианским.

** См., например, официальную антологию «Счастливое детство: литературно-эстрадный сборник» [5]. В.М. Молотов считался покровителем Артека, и многие стихотворения для детей были обращены к нему именно в этой роли.

«райские места» советской пропаганды о детстве включали детский Парк культуры и отдыха (изображенный, например, на фоне плаката 1936 года Виктора Говоркова «Спасибо любимому Сталину за счастливое детство!»), и на полотне Василия Сварога «И.В. Сталин и члены Политбюро среди детей в ЦПКиО им. Горького»). В том же перечне фигурировал, естественно, и детский сад. В жизни далеко не у всех «детских садов» был даже свой двор, не говоря уже о саде в настоящем смысле слова, но в детских книгах и на фотографиях для газет и брошюр преобладали изображения детей, блаженствующих на свежем воздухе в «реальном» саду вокруг здания сада.

«Пусть всегда...»

Не хотелось бы отождествить пропаганду сталинского времени с пропагандой постсталинского периода. В 1960 году Корней Чуковский опубликовал в газете «Литературная жизнь» стихотворение, якобы написанное маленьким мальчиком, который изображал мир в тех же «райских» чертах, как «всегда»:

*Пусть всегда будет солнце,
Пусть всегда будет небо,
Пусть всегда будет мама,
Пусть всегда буду я [6].*

Если заменить слово «мама» словом «Сталин» (что было бы с метрической точки зрения не только допустимо, но еще и заманчиво, так как сразу получилась бы аллитерация), стихотворение вполне ответило бы канонам культовой литературы поздних 1930-х и 1940-х годов. Но между «Сталин» и «мама» все-таки зияет разница: в одной «версии» стихотворного рая царствует биологическое родство, в другой – символическое. Стихотворение К.И. Чуковского было отражением достаточно значительной культурной перемены постсталинского времени – некоей «приватизации» райских мест. Не зря в это время еще одним «раем для детей» стала семейная дача [7]*. Когда изображался пионерский лагерь, все было не совсем так, как в прошлом, – большей частью отсутствовали вожди, и в некоторых произведениях (например, фильме Элема Климова «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (1964) или рассказе Виктора Голявкина «Ты приходи к нам, приходи» [9]) лагерь представлялся скорее как место, где важнее всего были как раз отношения между детьми.

* Правда, дача фигурирует иногда и раньше, как «райское» место: см. например изображение в [8]: «Тетя Юля жила на даче. Коля и Люба гостили у тети Юли. Она купила детям юлу».

«Право жить на все времена»

Тем не менее черты «рая для детей» мало изменились; здесь, как в христианском рае, дети находились, когда им было радостно, в светлом, цветущем саду. Как и христианский рай, советский детский рай находился на востоке от грешного мира (в данном случае, капиталистического); как и христианский рай, он находился вне нормальных временных отношений. Об этом свидетельствует риторический вопрос песенки из детского карнавала 1930 года:

Где, скажите, еще на свете
Есть такая, как наша, страна,
Где дает Конституция детям

Право жизни *на все времена?* [10] (курсив мой. – К.К.).

Немудрено, что многие анализы советского прошлого (среди примеров – совместная статья А.М. и А.А. Панченко «Мифологемы русской истории» [11]) подчеркивают как раз близость изображений советского детства и традиционных изображений христианского рая, упоминаемая знаменитый текст в Евангелии от Луки, в котором Христос говорит своим ученикам: «Кто не примет Царствие Божие, как дитя, тот не войдет в него»*.

Противопоставление христианского рая и советского детства

Но если смотреть внимательнее, то можно увидеть, что все не так просто. Выясняются скорее новаторские амбиции и эффекты советской пропаганды о судьбе добродетельных детей и о детском счастье. Проблематично само слово «рай». Советскую систему можно только в очень отдаленном смысле назвать «политической религией», хотя такое название стало в последнее время довольно модным. Для советской политической символики были, конечно, характерны определенные понятия о сакральном, о добродетелях и пороках, определенная «иерархия» (в прямом смысле слова) освященных предметов, действий и лиц; совершались своего рода «ритуалы перехода» и так далее. Но сами советские пропагандисты подчеркивали не сходство политических символов, мифов и ритуалов с христианскими, а их прямую противоположность таковым. В произведениях В.В. Маяковского или Демьяна Бедного христианский рай изображается как лицемерная фикция, опора классового об-

* Евангелие от Луки, глава 18, строфа 15:

15. Приносили к Нему и младенцев, чтобы Он прикоснулся к ним; ученики же, видя то, возбраняли им.

16. Но Иисус, позвав их, сказал: пустите детей приходиться ко Мне и не возбраняйте им, ибо таковых – есть Царствие Божие;

17. Истинно говорю вам: кто не примет Царствие Божие, как дитя, тот не войдет в него.

щества, воображаемый «дом отдыха» для элиты всего мира; такое представление фигурирует еще в пропагандистских текстах позднесоветского времени, например, в статье, опубликованной на первой странице ленинградской комсомольской газеты «Смена» 5 февраля 1965 года и описывающей выставку о жизни молодежи в капстранах: «Это необычайной силы документальный рассказ <...> об ужасах капиталистического “рая”» (слово в статье дано в кавычках). Надо сказать, что и сама фраза «рай для детей» – не советская (судя по Интернету, она недавнего происхождения, и употребляется прежде всего в рекламе курортов и пансионатов на Черном море), хотя фраза «рай для рабочих», очевидно, употреблялась не только за пределами Советского Союза (в пропаганде для иностранцев), но и в самой стране. Но в любом случае, «рай» для советских писателей, даже неофициальных, не атеистичных по-советски, – дискредитированное понятие: вспомним хотя бы судьбу героя романа «Мастер и Маргарита» («он не заслужил света, он заслужил покой»)*. В любом случае, слово «рай» для советских детских мест не употреблялось: например, классический «волшебный сад» под Ленинградом, описанный в газетной статье 1961 года, был назван автором «детской республикой» [12]**.

«Рай» и «ад»
в «теологическом
модернизме»

К тому же, и с точки зрения самого православия, советский «рай» (в смысле места заслуженного и вечного счастья праведников) выглядит довольно странным. Уж больно материальны все эти видения стахановцев в своих новых квартирах, отличниках, получивших дол-

* Гораздо чаще встречаются указания на христианский ад (как, конечно, у Ахматовой или у Солженицына) или же на христианское (но не православное) «чистилище» (судьбу, которую обещает своим поклонникам демагог-протагонист романа Ильи Эренбурга «Хулио Хуренито»).

** «Места здесь замечательные! От самого Зеленогорска и до Приветинского берег Финского залива зарос сосняком и пушистыми аллеями. Сквозь их темно-зеленую хвойную стену нет-нет проглянет кудрявая липка, веселая березка и кряжистый дубок. Эти места словно специально предназначены для детских санаториев, летних дач, пионерских лагерей». Показательно употребление автором уменьшительных форм, словно он подчеркивает, что миниатюрность ландшафта делает его особенно привлекательным для детей.

гожданый велосипед или пианино, или изображения парка культуры с его каруселями, «американскими горами», и проч. В конце XIX – начале XX века официальная православная культура переживала этап «теологического модернизма». Понятия «рай» и «ад» уже начинали восприниматься абстрактно, с ударением на психологических и эмоциональных моментах. Даже в брошюрах для массового читателя, ад определялся не только и не столько как «место печали и скорби», сколько как «известное, болезненное состояние души» [13]. Рай был, наоборот, прежде всего местом блаженного слияния с Богом. Авторы этих текстов уважительно ссылаются на традиционные представления о рае, как о вечно цветущем саде, но для них суть в другом. В отличие от языческой загробной жизни, христианская загробная жизнь крайне абстрактна: «Вещество и природа также соответствуют естеству его жителей – духов, и потому Рай – недоступен для наших чувств, огрубевших от глубокого падения» [14].

Так как самое главное наказание в аду – «удаление грешников от Бога», самая большая радость в раю – близость к Богу [15]. Получается, что советский «рай» мало напоминает сам христианский рай, а больше – христианские понятия о загробном мире у язычников: «Лишения и скорби земной жизни в сознании дикарей представляют в счастливой загробной жизни противоположные земному <...>. По представлению эскимоса, его загробная жизнь есть блаженная, вечно теплая страна – Рай, со всегдашним сияющим солнцем там за океаном, который на земле есть единственный источник его существования. Скучность продовольствия на земле восполняется за гробом его избытком» [16].

В перспективе такого рода выражений «теологического модернизма» интересно, что представления от том, что у детей – особенное отношение с Богом и более прямой путь в рай в связи с их невинностью, очевидно, только начали создаваться в дореволюционной России. В 1908 г., Училищный Совет при Святейшем Синоде издал сборник назидательного чтения для церковно-приходских школ «Небесные звездочки», составленный Дмитрием Ивановичем Введенским. В сборнике появились жития молодых святомучеников и – мучениц в сокращенных и упрощенных вариантах, а также разные рассказы о «счастлимом детстве», в основном о детях из простых семей. Рассказы были построены как модели для подражания. Только в одном тексте – «Тот праздник встречает, кто Бога у ближних не забывает» –

У детей особый
путь в Рай

фигурировал мотив «младенца Иисуса» (Baby Jesus), распространенный в английской детской литературе того времени*.

Авторы назидательной литературы не столько внушают детям, что Бог на них смотрит с особенным снисхождением, сколько предупреждают об ужасных последствиях грешного поведения: «Вспомните лучше горькую участь тех неразумных детей, которые смеялись над безвласою главою пророка Божия Елисея и которых за то растерзали медведицы» [17].

Образ ада для детей-отступников

Религиозная литература для массового читателя более актуальна по отношению к советскому «аду» для детей – молодежной колонии, куда в первую очередь тоже попадали злые сыновья и дочери злых родителей, и откуда, кстати, как и жители ада в момент страшного суда, заключенные в принципе могли выбраться на лучший свет, но обыкновенно только в результате заступничества со стороны какого-нибудь «праведника».

Так, образ заслуженного счастья в советской пропаганде существенно отличается от образа заслуженного счастья праведников в официальной христианской культуре начала XX века**. Источники советского рая – сугубо мирские, они лежат в романтических видениях таких писателей, как Уильям Блейк, и в сентиментальной поэзии конца XIX – начала XX века, печатающейся в таких журналах, как «Задуманное слово» (пример – стихи 1909 года Аполлона Аполлоновича Коринфского «Детский мир»):

«Детский мир»

Детский мир... Ни гроз в нем, ни метелей!
Здесь – под солнцем чистой красоты –
Как в саду, не знающем туманов,
Расцветают дивные цветы.
Детский мир! В нем все чарует взоры,

* Ср. воспоминания о такого рода чтении у В.В. Набокова в «Других берегах».

** Правда, в народной практике существовали ритуалы, в которых подчеркивались «права» детей на райскую жизнь. Например, в связи с символикой «стол – христианский рай» существовал в некоторых восточнославянских местах (например, на Украине) такой обряд, совершаемый на третий день после крестин: повивальная бабка три раза вела роженицу с ребенком на руках вокруг стола, и когда другие женщины, свидетельствующие эту сцену, спрашивали, куда ведет, она отвечала: «У рай». В варианте этого обряда, бытующем в Костромском краю, бабка говорила, ведя роженицу с младенцем вокруг стола «Освободи, господи, душу грешную, а другую безгрешную» [18]. По народной традиции, невинность ребенка продолжалась недолго – обыкновенно считали, что до появления умения говорить, – и не было такого отношения, что дети постарше имеют особенное право на счастье, или что для них существует специальный «путь в рай» [19].

Все в нем грез, волшебных грез полно...
Прочь отсюда, лжи тлетворной слово, –
Для тебя здесь место не дано!..

Детский мир! Очаг любви и веры,
В нем огонь святых надежд горит...
Горе тем, кто с умыслом постыдным
Этот светоч жизнь затемнит! [20]

В целом, миф о Советском Союзе как месте особенно-го блаженства детей не имеет аналогов в традиционной русской религии, ни в народной, ни в элитной.

Советский рай
рукотворен

Самое важное различие между христианским раем и советским «раем» (или скажем лучше, «местом блаженных советского мира») состоит в том, что советский «рай» был, если можно так выразиться, «рукотворным»: там царила определенная гражданственность, и этот рай нужно было *строить*. Было бы нелепо сказать о христианском рае, что жители его «имеют право на вечность» (фраза, достойная пера Платонова). Спросить, кто сделал небесный Иерусалим, кто посадил деревья в Эдеме, было бы радикальным жестом, напоминающим вопрос в стихотворении 1928 года Бертольта Брехта «Вопросы начитанного рабочего»: «Кто построил Фивы, с их семью воротами?» По библейской традиции, Бог предал проклятию прародителей и первогрешников Адама и Еву тем, что заставил их работать; Эдемский сад (как и весь мир Божий) не построен (посажен), а сотворен. А по советской мифологии счастливую жизнь детей *строят* все добродетельные взрослые – в этом процессе участвует не только сам Сталин, но еще и «партия», и «народ»

(что, кстати, довольно точно отражает личность самого Сталина как гениального администратора, в словах политолога Йорам Горлицкого, «machine politician» и «committee man») [21]. Не только стеклянные утопии 1920-х годов, сюжеты детских сочинений в образцовых школах, но еще и райские сады 1930-х представлялись как плод труда. Например, репортажи, посвященные Артеку в пионерской пресе-

лу-чи	Лу-ша	И-лю-ша
клю-чи	Лю-ба	Ка-тю-ша
Ню-та	Ю-ра	дя-люш-ка
А-ню-та	Ню-ра	ня-нюш-ка

Тётя Юля жила на даче.
Коля и Люба гостили у тёти Юли.
Она купила детям юлу.
Коля и Люба пускали юлу.
Было шумно и весело.

«Счастлиное
детство» и «забота
и внимание
к детям»

се, довольно часто обращали внимание на то, что сооружен новый корпус, что Артек сейчас выглядит совсем не таким, как в далеких 1920-х годах*.

Следует иметь в виду также, что лозунги о «счастлимом детстве» стали множаться как раз в середине 1930-х, когда усердно реабилитировали традиционную семью и авторитет родителей (и прежде всего отца, как главы семьи и живой модели «дисциплинированности» для детей). Фраза «забота и внимание к детям» удачно воплощает идеальное сочетание душевной теплоты и контроля, выраженное до 1917-го словом «опека». Оказывать «заботу и внимание» было делом не только профессионалов по уходу за детьми (врачей, учителей), не только политиков, но всех взрослых, прежде всего родителей. Если сравнить буквари дореволюционного периода с букварями 1930-х годов и позже, выходит, что тема счастливой семьи в книгах для массового читателя – нововведение советского периода [23]. Счастливая семья была представлена также в литературных образцах для старшеклассников, например в житии Зои Космодемьянской, написанном ее матерью совместно с Фридой Вигдоровой, где дети и родители дружно сидят вместе по вечерам, занимаясь повышением квалификации, с одной стороны, и комсомольской работой – с другой. Идиллические изображения семьи только умножались в постсталинский период, когда появился и новый вариант «детского рая» – семейная дача. Нередко (особенно на Западе) изображения детей времени культурной революции, например, Павлика Морозова, считаются типичными для всего советского периода. Однако идиллические портреты семейной жизни были намного более распространенными, чем рассказы о детях, справедливо упрекающих родителей в измене родине. Даже «жития» «преподобного» Павлика переписывались со временем, что привело к постепенному ослаблению мотива о доносе**.

«Взрослым о детях»

Здесь возникает вопрос о том, как все это уживалось. Само собой разумеется, что результаты воздействий изображения «рая» на советскую публику были очень разными, но какие-то обобщения все-таки представляются возможными. Начнем с эффектов на взрослых. Безусловно, существовали образцовые семьи вроде

* В 1960-х образ «строительства» еще более подчеркивался. Как афористически выражено: «Строительство утопии – и есть воплощения утопии, так как все, что для этого нужно – наличие цели и веры» [22].

** Хотя с отрывками, как, например, в начале 1960-х годов [24]. О деполитизации литературы для детей в общем см. также [25].

Космодемьянских (как существовали и образцовые рабочие, занимающиеся перевоспитанием самого себя, пример – Степан Подлубный, дневник которого подробно комментируется в известных публикациях Йохена Хельбека) [26]. Но с уверенностью можно сказать, что их было немного. В колхозах и бараках довоенной России уход многих родителей за «отпрысками» в лучшем случае ограничивался заботой о том, чтобы дети были сыты, одеты, обуты и (среди самых старательных родителей) делали домашние задания. Типична реакция одной матери из московской рабочей семьи на беседе в опытно-показательном детском саду Второй опытной станции Наркомпроса в конце 1920-х. Когда воспитатели спросили, кто устроил для детей детский уголок, ответ был такой: «И этого не хватало» [27]. Миссионерство «профессионалов ухода за детьми» оказывало весьма ограниченные эффекты даже в конце советского времени. В 1973 году газета «Ленинградский рабочий» сообщила, что только 38 рабочих завода «Светлана» из 450 опрошенных регулярно слушали радиопередачу «Взрослым о детях». Можно быть уверенным, что даже 7–8 процентов рабочей публики – переоценка [28].

Родители оберегали семью от государства

Что касается семей из интеллигенции, то эффект официального дискурса о «детском рае» несколько другой. Родители из этой среды часто считали, что семейную жизнь они строят не рука об руку с государством, а вопреки ему. По словам Бориса Фирсова: «Они (родители. – К.К.) оберегали нас от слишком доверчивого отношения к пропаганде, которая неумолчно утверждала, что родина была прекрасна, что у нее не было пороков, что вся она была как старший брат, как отец, как мать, как одна большая семья. Они не могли допустить того, чтобы и своя, личная семья оказалась всего лишь филиалом общегосударственного устройства <...>. В этом состояло их (взрослых) скрытое (латентное) разномыслие» [29].

«Дети – счастье семьи» и «Дети – будущее народа»

Родители вели себя, как отец в недавнем фильме Роберто Бенини «Жизнь прекрасна». Напомню, что отец в фильме превращает немецкий концлагерь во что-то вроде парка культуры и отдыха для маленького сына: судорожные попытки скрыться от охранников превращаются в гонки и прятки. Вся логика фильма основана на резком контрасте между «общегосударственным» и «личным», «частным» и «общественным» (или «коллективным»). В глазах советской пропаганды отношения между государством и семьей были уравновешенными, гармоничными. На плакате 1955 года

В.С. Иванова «Будь счастлив, родной!» мать и отец на фоне очередного райского ландшафта преподносят сына-младенца советскому народу. В левом и правом верхних углах картины симметрично помещены лозунги ДЕТИ – СЧАСТЬЕ СЕМЬИ и ДЕТИ – БУДУЩЕЕ НАРОДА. Но в глазах многих семейное счастье и общественная роль ребенка были жестко разделены; ради

первого было необходимо сократить как можно больше влияние второго. Противоречивость официального понятия семьи – с точки зрения которой родители были одновременно и мудрыми воспитателями лояльных граждан, и возможными предателями, рецидивистами старого быта – вызывала конфликтующие чувства у многих вполне «советских» взрослых, не считающих себя способными даже на «латентное разномыслие».

Рай достигаем – его нужно построить

В результате те культурные институты и практики, которые удачнее всего воплощали идею Советского Союза как место заслуженного счастья, «радостного детства» (и в первую очередь – семейные квартиры и дачи русской интеллигенции), воспринимались как «райские» именно потому, что эти места как бы находились *за* советской действительностью. В то же время, поскольку рай по советской логике считался принципиально *достижимым* – нужно было его только построить, – естественно было чувствовать озлобленность, *rassentiment*, когда устроить счастье детям оказывалось нелегко, когда жизнь была не «райской». Уже в 1970-е и 1980-е годы в либеральных советских газетах, и особенно в газете «Неделя», стали выражаться осторожные сомнения в том, хорошо ли живется детям в коллективных «ряях», например, в детских садах. В советской прессе этого периода также публиковались довольно «неприглаженные» заявления о проблемах с производством и поставками качественных потребительских то-

варов для детей*. Не только чисто функциональные, «гигиенические» предметы (рожки, пеленки), но еще и такие вещи, как красивые одежда и игрушки, уже считались необходимыми. Детей, по мнению «просвещенных» родителей, надо было кормить с особенной тщательностью (в их диету должны были входить такие «витаминные» вещи, как лимоны и помидоры, которые стоили очень дорого и далеко не везде продавались). Такое отношение к делу, усердно поддержанное официальной советской печатью и нормативной литературой для родителей, усугубило потенциал «латентного разномыслия». По моим собственным воспоминаниям брежневского времени, даже люди из общественных кругов, где смотрели с подозрением на «блатные» отношения были готовы иметь дело с «теневой экономикой» как раз тогда, когда речь шла о доставке товаров для детей.

Крушение мифа
о «счастлимом
советском детстве»

В эру гласности стало возможно громко выражать такого рода претензии о качестве и количестве детских товаров; последовал всплеск негативных эмоций по отношению к советской «детской политике». Яркий пример – статья врача-педиатра Марии Рахмановой, опубликованная в газете «Неделя» в 1989 году. М. Рахманова с гневным сарказмом сопоставила советские лозунги о «счастлимом детстве», о «единственном привилегированном классе» с реальной жизнью советских детей, как она ее понимала. В некоей инверсии советской привычки цитировать необработанную и необъясненную статистику в доказательство собственных аргументов, она информировала своих читателей, что 30 процентов советских детей рождаются с тяжелыми повреждениями центральной нервной системы, а 40 процентов с легкими повреждениями. Низкий уровень смертности среди детей в первый год жизни, который десятилетиями представляли как одно из главных достижений советской власти, якобы занимающей чуть ли не первое место в цивилизованном мире по этому показателю, был на самом деле на 500 процентов выше, чем уровень смертности среди этой возрастной когорты в Японии, заявляла М. Рахманова. Таким же беспокоящим был и уровень заболеваний среди школьников, почти 50 процентов которых страдали проблемами центральной нервной системы [31].

Статья М. Рахмановой была типична для конца 1980-х – начала 1990-х годов, когда чуть ли не ежеднев-

* Например, статья А. Абатурова [30] обращает внимание на то, что в новых районах очень мало магазинов, продающих товары для детей.

Ностальгия
по советскому
детству

но появлялись репортажи о жутких условиях в детских учреждениях, от яслей до молодежных колоний. В советское время настаивали, что детям живется лучше, чем в какой-либо другой стране; сейчас утверждали, что хуже всего живется детям именно в России. Страшные рассказы о воспитателях, которые били и тиранили детей, стали также символизировать положение дел в общем, психическое и моральное здоровье всего советского общества, как в прошлом – рассказы о самоотверженных и добрых воспитателях [32].

Советское детство было связано для многих также с «вложением эмоций», *emotional investment*. Ведь советский детский «рай» – это был не только детский сад или пионерский лагерь, но также и мама, папа, и я-маленький. Для многих жителей постсоветской России, «советское детство» не больше и не меньше, чем «детство» вообще. Так, безоблачное, радостное, райское детство, которое по сути дела существовало только на плакатах, приобрело для постсоветских граждан некую ретро-спективную аутентичность. На советскую детскую литературу (в отличие от других видов «социалистического реализма») спрос не унимается; репертуар рекламы состоит из стереотипов счастливой семейной жизни, удивительно похожих на картинки в букварях и календарях советского времени; беспризорность (подпольно существующую все годы советской власти) описывают как некую заразу, схваченную с Запада*. Трафаретное представление такое – *сейчас* детям живется лучше в материальном смысле, но *тогда* было веселее (пример – следующее интервью, проведенное в 2003 году с ленинградцем, родившимся в 1972 году):

Было несколько гаражей, но эти гаражи принадлежали... они состояли, скажем так, под гаражи была отведена первая... первый этаж одного дома. Этот дом был четырехэтажный. Это какой-то муниципальный корпус, какое-то отделение, трест или еще что-то в этом роде. В эти гаражи редко проезжали машины, и мы использовали ворота как ворота футбола. Для футбола. То есть они по размерам нам подходили. Мы просто колотили об них мячик. Нас за это никто не ругал никог-

* См., например [33]. Надо сказать, что такие отношения к современному детству отнюдь не специфичны для постсоветской России, их можно сравнить, например, с полемической книгой 1985 года Нила Постмана «Исчезновение детства» [34]. Но в контексте растущей ксенофобии и других проявлений социального пессимизма в постсоветской России такие чувства и опасения переживаются особенно болезненно.

да, не гонял. Ну, вот. Ну, были – вокруг дворика стояли обычные частные автомобили. Было несколько штук, и поэтому места было предостаточно. Сейчас в этом дворике, ну, я вот не знаю, если вот нас тех вот ребят, которые там, двадцать лет уже прошло, запустить сейчас сюда, то мы переколотили бы, наверно, все машины. Потому что это теперь элитный очень двор, элитный дом, въезд по охране только. Вот по охране, по пропускам, охрана сидит, шлагбаум. Вот. И скажем так, самый бедный автомобиль – это какой-нибудь Мерседес трех-, четырехлетней давности. Вот. То есть, если попасть мячиком в такую машину, скандала не оберешься потом. Играть негде стало ребятам. Хотя поставили небольшую площадочку такую детскую, но это совсем для малышей трех-четырёх лет. Она из пластмассы и взрослым ребятам не интересна. Да и к тому же не играют современные дети в те игры, в которые играли мы. У нас не было компьютеров, у нас не было, скажем так, всевозможных тех аксессуаров, которые используются сейчас детьми. У нас было все гораздо проще. Мы делали сабли из палок, и играли, и нам было интересней, плюс мы еще физически развивались. Вот. Сейчас это... скучные дети какие-то. Вот это я заметил [35].

Советское детство
«как потерянный рай»

Так сквозь призму постсоветского времени советское детство действительно стало восприниматься как «потерянный рай». Наверное, на это восприятие влияли не только известные процессы ностальгии, но и наследие христианской схемы *мир-рай* в чисто структурном смысле такой парадигматической конструкции взаимности и противопоставления. Можно говорить о некоем перемещении на временные соотношения традиционной пространственной вневременной дистанции между «мирской» и «райской» жизнью. Райская жизнь существует где-то за пределами нормальной человеческой жизни, или в прошлом, или в будущем, но никогда в настоящем: как в жалобе Алисы из Страны Чудес: «*Jam yesterday and jam tomorrow, but never jam today*» («Варенье завтра, варенье вчера, но варенья сегодня не бывает»)*.

* Интересно, что в 1920-х годах представления о дореволюционной культуре иногда были такими же идиллическими. Зоя Решеткина (р. 1923) вспоминала, как запустелый сад усадьбы в деревне, где жили ее родители, вызывал лирические воспоминания у старожилков о том времени, когда он был «господским садом». Решеткинова З.С. Биография бабушки Зои. Рукопись 2001 года. Архив факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Хвой-2005-Рукописные материалы-01.С.21. Выражаю благодарность факультету этнологии и Веронике Макаровой за любезное ознакомление меня с этим материалом.

От рукотворного
рая «счастливого
детства» к носталь-
гии по беззаботному
детству

В статье поставлен вопрос о месте «рая», точнее «обители праведников» в советской пропаганде о детях и для детей. Миф о «рае» для детей отличался от христианской традиции, конечно, своей материальностью и особой ассоциацией с детьми (в буквальном смысле), но прежде всего тем, что советский рай был «рукотворным», его нужно было создавать, и в этом процессе должны были участвовать не только официальные лица, но еще и рядовые родители. Это «вложение эмоций» должно было подкрепить общество, создать чувство социальной солидарности, но – по крайней мере в постсталинский период – эффект мог быть как раз обратным. Нередко недовольство положением детей становилось значительным фактором в подспудных социальных конфликтах уже советской эпохи. В то же время полностью разделить официальные и неофициальные идеи тоже не удавалось, что позже (уже в постсоветский период) стало причиной идеализации прошлого (не столько советского, сколько своего, «семейного») у многих взрослых граждан. Это подтверждается в словах женщины, родившейся в 1923 году: «В советские времена был такой плакат со словами “Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!”. Перефразируя его, я бы так сказала: “Спасибо моим родителям за мое беззаботное детство!”» [36].

«Скучные дети
какие-то»

Все это, можно сказать, просто и ясно. Остается совсем непонятно, как жилось самим детям в советском раю. Их редко про это спрашивали: вся суть лозунга «Забота и внимание» была в том, чтобы делать то, что казалось нужным извне. Это отношение к детям, как и многое другое, пережило саму советскую власть. Показательна фраза информанта, цитированного выше: «Скучные дети какие-то», которая, очевидно, должна передать, что детям живется неинтересно, что они скучают, но которая одновременно создает впечатление, что самому информанту невесело смотреть на них, что их поведение не отвечает его внутреннему стереотипу «интересного» поведения у детей. Судя по воспоминаниям, дети часто находили удовольствие в неожиданных для взрослого взгляда явлениях; пример этому – следующие воспоминания женщины, родившейся в Перми в 1960 году:

Соб: Какие Ваши самые ранние воспоминания о детстве?

Инф: Свой дом, большая семья. Две комнаты всего было. И такой случай в жизни, который всегда детям

рассказываю. Мы жили бедно, да все в то время жили небогато. И рядом сломали дом один, оттуда все уехали. И был дождь. И там кто-то, видимо, прятался от дождя и кто-то там забыл плащ, Тоненький, из клеенки. А мы пошли погулять, и я нашла этот плащ. И у меня было радости! Потом за плащом пришли. Пришлось отдать [37].

Это – еще достаточно невинный пример, бывают и более отталкивающие для взгляда среднего взрослого и совсем не вкладывающиеся в трафарет «радостного детства» примеры: среди них – тайные языки, дразнилки, злые шутки, сальные рассказы и так называемые страшилки и «садистские стишки» (в последнем случае, кажется, не всегда выдуманные детьми, но широко бытующие у них)*.

Детство
в воспоминаниях

С другой стороны, восприятие «райских мест» советской культуры детьми не было однозначным – даже дача была иногда связана с неприятными воспоминаниями. Цитирую сначала абсолютно типичные, идиллические воспоминания одной информантки, проводящей лето на даче с малых лет, а потом другие, менее типичные:

«Самые ранние мои воспоминания, это очень романтические воспоминания. Это лето, мне тогда было года три, наверное, и мы тогда ловили бабочек на даче под Сосново, не на той даче, которую ты знаешь, а которую, видимо, родители снимали; вернее, ловил [брат информанта], а я... значит, ныла, чтобы мне дали банку для бабочек, банку с эфиром, да, куда несчастных бабочек сажали и они там засыпали. <...> И мне в конце концов дали банку, и я упала, и банку разбила, и бабочки улетели [смех] но... воспоминания о летнем таком, я не знаю, полдн, бабочках и банке с эфиром у меня вот сохранились» [40].

«Честно говоря, дачу я никогда не любила. Наверное, это было связано со спецификой моего характера, которую сейчас с легкостью могут объяснить астрологи и психологи. Но тогда, естественно, никогда и никому не жалуюсь, я ее не любила глухо, глубоко и постоянно. Не любила все, что было связано с дачей.

Можно начать с того, что не нравился сам процесс поездки на дачу. Электрички в то время ходили

* См., например, собранные Георгием Виноградовым тексты 1920-х годов [38] и другие [39]. Кажется, такие тексты пользуются наибольшей популярностью в эпоху «райского детства» (например, наши информанты, выросших в военные годы, их не помнят, в отличие от информантов, выросших в 1950-е и позже), так что их можно считать своеобразным «ответом» на тему «детского рая».

редко <...> каждую электричку приходилось «брать штурмом». Подавали их к платформе за минуту до отправления, а иногда и позже объявленного времени отправления. Наиболее мускулистым удавалось протолкнуться вперед и занять места, но большой удачей было даже занять стоячие места ближе к середине вагона – там не так толкали. <...> Наверное, я была очень трусливым ребенком – мне было просто страшно.

Не радовали и наши проселочные дороги, горделиво именовавшиеся улицами, так как имели названия. <...> К сожалению, славные имена не помогали передвигаться по улицам в дождливую погоду – а мне казалось, что дожди и грозы были на даче не реже, чем через день, не говоря уж о периодах, когда дождь шел больше двух недель кряду. В это время от станции можно было дойти только в высоких сапогах и то не всегда. Рыжая глина засасывала сапог и не оставалось ничего другого, как выдернуть из него ногу и идти босиком, держа уже совершенно бесполезные сапоги в руках. <...>

Именно на даче родители пытались «приобщить меня к общественно-полезному труду». В городе у меня практически не было никаких обязанностей – только занятия и уборка своих игрушек. А дача давала широкий простор для воспитания. «Нельзя, чтобы девочка росла белоручкой!» – восклицала мама. А девочка, как назло, терпеть не могла пачкать руки. <...> «Тебе надоело каждый день мыть посуду? – спрашивала мама. – Но ведь есть тебе каждый день не надоело!» Что могла на это возразить девятилетняя страдалица? [41].

Детство
в дневниках

Конечно, эти информанты рассказывают о прошлом, но определить восприятие жизни у детей, особенно у маленьких, исключительно сложно. Такие источники, как дневники, крайне редки, и те, которые до нас дошли, были написаны детьми (примеры – Давид Самойлов, Нина Луговская или Нина Костерина) из образованных кругов советского общества. Если такого рода материалы скорее утверждают актуальность официальных понятий о счастье для сознательных детей-старшекласников*, в дневниках, оставленных более маленькими детьми, еще не разработан определенный подход к теме «счастье». Дневники, написанные ими,

* Как справедливо утверждает А. К. Байбурин в своем докладе «Понятие «счастье» в Советском Союзе» (на конференции «L'URSS: un paradis perdu?» в Университете Париж-IV в ноябре 2006 года).

чаще всего состоят из списков сделанного и увиденного, предоставленных без всякой эмоциональной оценки*. Пример – дневник 12-летней Оли Рыбниковой (тоже, кстати, девочка незаурядная, поскольку она – из семьи знаменитого педолога Николая Рыбникова) конца 1920-х годов:

«Четверг 7 ноября 1929 года.

В четверг нас отпустили и я с мамой поехали на Сходню /дачу семьи/. Там было очень холодно. Мы топчили печку. На другой день приехали папа с Адей. Я и Адя рубили дрова, и я вижу, что идут дядя Илюша и Жек. Приехала Тамара. Приехал Колюсик и сказал, что завтра придет Ирочка и Топка. У нас было соц.соревнование между мальчиками и девочками – кто больше елок посадит. И никто не выиграл.

В субботу 9 приехали Ирочка и Топка. У нас тут были еще Колюсик, Тамара и Жек. Пришел к нам играть Митя. Мы играли в щетку, в платочек, в жмурки, в шарады, сломали кровать, хотели ее починить, но ничего не вышло. В воскресенье утром я, Тамара, Ира и папа сожгли елки с линии. Приехала тетя Зина. Тетя Зина, я, Тамара, Ира, Адя, Жек играли в волейбол. Нам привез Денисов три воза земли черной-причерной» [42].

Здесь суть авторской позиции не только в непривычке выражаться на бумаге, в неестественности акта составления дневника, который писался девочкой принужденно, в виде школьного задания**. Если не имеешь представления о том, что можно жить по-другому, тогда живешь в семейном «раю» так, как на любом другом месте. А если все-таки представляешь, как исключительно тебе везет, тогда часто создается определенное чувство беспокойства: надо подыгрывать взрослым, не давая им чувствовать, что ты чем-то разочаро-

Счастье детей
для взрослых

* В своей реплике на доклад Светлана Леонтьева обратила мое внимание на то, что здесь речь идет не об эмоциях, а о способности их выражать: «Думаю, что дело не в отсутствии «представления о счастье», а в том, что «представления» могут принципиально не проникать в данную письменность (дневник, письмо и пр.)» Или, что они могут быть с точки зрения «чужого» читателя выражены неадекватно. Тем не менее, очевиден разрыв между детским сознанием (тогдашним детским сознанием?) и взрослым (теперешним взрослым?) – по правилам второго, дискурс ребенка воспринимается, как лишенный эмоциональности.

** Дневник Оли вписывался в школьную тетрадь с заголовком «Тетрадь по русскому языку и для дневника»; в дневнике ее сестры Ляли к 10 января отмечено: «Был дядя Вася. Рисовала. Писала плакат «Да здравствуют Советы!». Гулять я ходила и каталась с ледяной горы. Убиралась у птички. Убиралась в уголке. Писала дневник».

ван, так как тогда и они почувствуют разочарование. Я очень хорошо помню, как мы с сестрой делали вид перед родителями, что мы верим в Деда Мороза и в tooth fairy (фею, которая уносит молочные зубы и оставляет вместо них монетку). Ведь нам так хотелось радоваться миру, которые они с такой исключительной заботой и любовью для нас создавали. Дело было не только в нашем счастье, а и в их счастье. И все это очень далеко от представления райской жизни в Евангелиях, где живут не только без работы и без боли, но также и без заботы: нарядные как лилии поля, свободные как вороны на небесах*.

1. Гальего Р.Г. Белое на черном. СПб., 2005.
2. Дубин Б.В. Между всем и ничем // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России / Под ред. Ю. Левады, Т. Шанина. М., 2005. С. 249–250.
3. Holmes L. Stalin's School: Moscow's Model School no. 25, 1931–1937. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1999. С. 129.
4. Leder M. My Life in Stalinist Russia: An American Woman Looks Back. Bloomington, 2001. С. 220–221.
5. Счастливое детство: литературно-эстрадный сборник. М.; Л., 1939.
6. Чуковский К. «Пусть всегда будет солнце!» // Литература и жизнь, 14 декабря 1960 г. Позже этот текст был использован как рефрен к широко известной антивоенной песне Л. Опшанина и А. Островского «Пусть всегда будет солнце!». Текст песни был опубликован, например, в журнале Культурно-просветительская работа № 9 за 1962 год (с. 50).
7. Lovell S. Summerfolk. Ithaca: Cornell University Press, 2003.
8. Янковская А.В. Букварь. М.: Учпедгиз, 1937. С. 57.
9. Голявкин В. Удивительные дети. 3-е изд. Л.: Детская литература, 1979. С. 7–80.
10. Гришин А. Праздник счастья / Под ред. Е.А. Боголюбова. Пермь: Пермский областной дом пионеров, 1930. С. 14.

* «22. И сказал ученикам Своим: посеми говорю вам, – не заботьтесь для души вашей, что вам есть, ни для тела, во что одеться: 23. Душа больше пищи, и тело – одежды. 24. Посмотрите на воронов: они не сеют, не жнут; нет у них ни хранилищ, ни житниц, и Бог питает их; сколько же вы лучше птиц? /.../ 27 Посмотрите на лилии, как они растут: не трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей своей славе не одевался так, как одна из них.» (Евангелие от Луки. Глава 12).

11. *Панченко А.М., Панченко А.А.* Мифологемы русской истории // А.М. Панченко. Я эмигрировал в Древнюю Русь. СПб., 2005.

12. *Детская республика* // Строительный рабочий. 27 мая 1961 г. С. 3.

13. *Митрофан (Коневского монастыря монах).* Как живут наши умершие, и как будем жить и мы по смерти. СПб., 1880. С. 342.

14. Там же. С. 291.

15. Там же. С. 347, 305.

16. Там же. С. 290.

17. Бросьте суеверный обычай. (Серия Благословение Обители Ново-Афонского монастыря на Кавказе, № 109). М., 1908.

18. *Топорков А.Л.* Происхождение элементов застольного этикета у славян // А.К. Байбурин (ред.) Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 228–230.

19. *Байбурин А.К.* Этнографические заметки о слове и языке в русской традиции // Антропологический форум. 2006. № 3. С. 389.

20. *Коринфский А.* Детский мир // В детском мире. СПб. 1909. Цитируется по изд. Е.О. Путиловой. Русская поэзия детям. СПб.: Академический проект, 1998. Т. 1. С. 395–396. Аполлон Аполлонович Коринфский – соученик В.И. Ульянова в Симбирской гимназии, но по настроению скорее склонялся к народничеству и культуре «чистого искусства»: см. *Иванова Л.Н.* Коринфский Аполлон Аполлонович // Русские писатели 1800–1917: биографический словарь. Т. 3. М., 1994.

21. *Gorlizki Y., Motmsen H.* The Political (Dis)Orders of Nazism and Stalinism // S. Fitzpatrick, M. Geyer. Beyond Totalitarianism: Nazism and Stalinism Compared. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.

22. *Ваиль П., Генис А.* 1960-е: мир советского человека. Ann Arbor: Ardis, 1988. С. 4.

23. *Келли К.* «Папа едет в командировку»: репрезентация общественных и личных ценностей в советских букварях и «книгах для чтения» Тезисы докладов, прочитанных на конференции «Учебник в истории российского детства». СПб.: Университет культуры, 15–16 декабря 2006 (в печати).

24. *Catriona Kelly.* Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero. London: Granta Books, 2005. Гл. 7.

25. *Леонтьева С.Г.* Литература пионерской организации: идеология и политика: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006. С. 10–11, 23–24.

26. Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge: Harvard University Press, 2006; Kozlova N. The Diary as Initiation and Rebirth: Reading Everyday Documents of the Stalin Era // С. Kiaer and E. Naiman (eds.), Everyday Life in Early Soviet Russia. Bloomington: Indiana University Press, 2006. С. 282–298.

27. Дошкольное воспитание. 1930. № 2. С. 47–49.

28. Твое свободное время. Заметки социолога // Ленинградский рабочий. 6 января 1973 г. С. 5.

29. Фирсов Б. Всегда ли послушание и исполнительность были всем, а самовыражение – почти ничем? // Антропологический форум. 2004. № 4. С. 88.

30. Абатурова А. Новосел и магазины // Ленинградская правда. 22 февраля 1962 г. С. 2.

31. Рахманова М. Мы сами их калечим // Неделя. 1989. № 43. С. 8. Ср.: Маленькие дети – большие заботы // Неделя. № 7 (1987). С. 16–17; Рахвальский Ю. Отвечать за свое здоровье // Неделя. № 15 (1987). С. 18; Он же. Ложь не во спасение // Там же; О малыше и профессиональном уровне врача. Неделя № 33 (1987). С. 33; Мудрак Н. Для здоровья малышей // Неделя. № 2 (1988). С. 2; и особенно: Окно в мир статистики // Неделя. № 44 (1988). С. 12–13; Путешествие за инициативой // Там же. С. 18.

32. Буянов М. Приголубить, приласкать // Неделя № 41 (1984). С. 7; Сталькова И. О чем плачет малыш? // Неделя. № 7 (1988). С. 18–19; Прошина Л. О тете Гале, которая никого не боится // Неделя. № 12 (1991). С. 12.

33. Медведева И., Шишова Т. Новое время – новые дети? // Октябрь. № 2 (1997). С. 132.

34. Neil Postman, The Disappearance of Childhood. London: W. H. Allen, 1985.

35. Oxf/Lev SPb-03 PF 28A. С. 7. Мужчина, г. р. – 1972, м. р. – город в Ленинградской области, вырос в Ленинграде, отец не жил с семьей и не был женат на матери, мать работала на фабрике, потом уборщицей, потом опять на фабрике. Неоконченное высшее профессиональное образование (был исключен из института за драку). Работает механиком. Интервью проведено Александрой Пиир в Петербурге весной 2003 года.

36. Решетникова. Биография бабушки Зои. С. 31.

37. Oxf/Lev P-05 ПФ12А. С. 1. Интервью проведено в Перми Светланой Сиротининой в августе 2005 года.

38. Детская сатирическая лирика. Иркутск: Изд. Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества, 1925; Детские тайные языки. Иркутск: Власть труда, 1926.

39. Русский школьный фольклор / Под ред. А.Ф. Белоусова. М., 1998.

40. СКQ-Ох-03 ПФ12А. С. 1. Ж., г. р. 1958, Ленинград, родители из творческой интеллигенции. Интервью проведено Катрионой Келли в Великобритании летом 2003 года.

41. *Михальцева В.* «Дача – лирическое сочинение на заданную тему», неопубликованная рукопись 1999 г. Выражаю благодарность Стивену Ловеллу за возможность ознакомиться с этим текстом, который он собрал в рамках проекта, посвященного истории русской дачи.

42. Дневник Оли Рыбниковой, 11 лет. НА РАО, ф.47, доп. оп., ед.хр.9 (7), лл. 180–180 об. Благодарю Виталия Безрогова за возможность ознакомиться с материалами дневников Оли Рыбниковой и ее сестры Ляли, которые будут опубликованы в нашей совместной антологии «Взрослые о детях и дети о себе. История русского детства века в воспоминаниях документах: 1891–1991».

